

...Люблю стихотворения, в которых чувство скромно прячется за мысль, за элегантную просодию, за эстетический аргумент неброской, но яркой метафоры...

Наталья ТРОЯНЦЕВА

ДЕСЯТЬ ОТТЕНКОВ ПЕЧАЛИ

Хочется рассмотреть отдельные стихотворения из тех подборок, которые либо отмечены только одним из членов жюри, либо не отмечены вообще.

Каждое из этих стихотворений безупречно как в стилистическом, так и в композиционном ключе, и оригинальность авторского видения не подлежит сомнению. Налицо и отсутствие какого-либо бьющего в очи эффекта, провокации на эмоцию. Чувства, перевоплощенные в поэтическую ткань повествования, искренни и глубоки и оттого не требуют отклика однозначного и – сразу, а осторожно побуждают к медленному и внимательному со-размышлению и тонкому сочувствию.

Вот стихотворение совершенно чеховского мировосприятия, когда сквозь бытовые этюды вырисовывается картина свершившейся трагедии. С одним отличием: то, что у Чехова – предопределение, у автора – констатация постфактум.

Тут интересна усложненная структура ассоциативного ряда – беспорядочно вращаются, словно – мечутся, крупинцы кофе в прозрачном стакане, между прозрачных же оконных стекол мечется муха... Безысходность ясно обозначена, очевидна. А плачет – не героиня, а – дождем прорвавшиеся небеса в обнимку со старым заброшенным домом воспоминаний, где затаилась полынная горечь так и невыплаканной печали. И – «на шесть тысяч футов выше» поэтического текста: нужно, нужно выплакаться и простить самое себя так, как прощает Бог.

[Ирина Зиновчик. «Картинки не с выставки»](#)

Картинка

Ночь кончилась, выдохнув утро;
горчит остывающий кофе,
крупинки вращаются в мутном
растворе. И муха не сдохнет

никак между стёкол оконных,
борясь с наступившей зимой.
Что толку? Такие законы.
Я тоже, бывает, заную

над пыльным несбывшимся хламом,
пытаясь природу оспорить..
О чём я? Ах, да, я о главном.
О главном, всегда, априори:

вот люди ненужные - вышли,
когда стали лишними страсти;
вот дождик пролился на крышу
и плачется, стар и несчастлив,
заброшенный дом на отшибе,
где запах таится полынный..

И Бог, даже спящий, всё видит.
Во сне. Но не правит картину.

А вот этому совершенному творению из подборки [Андрея Калинина «Ассорти»](#) оттено к печали почти не присущ, разве что – по аналогии с умозаключениями Экклезиаста, которые рассматриваешь в каждом духовном возрасте по-своему – в каждой радости есть росточек печали, а знание умножает скорбь.

Звукоряд стихотворения глубок и мягок, слова лежат в строке безупречно, рифма изысканна и непредсказуема. Контекстом изложения просто любишься: не ты появился на свет, но – свет принял и воспринял тебя, смотрит на тебя, ожидая, когда твои глаза распахнутся ему навстречу. Когда текст безусловно завершен, нет ни малейшего желания разлагать его на отрывки или обрывки, ибо он потеряет, пусть на миг, свою прекрасную целостность.

Вместе с тем, так естественно соединяется интерпретация и автоцитата: «Звуки и цвет получив из эфира, в полной красе предстаёт, как живой, внутренний образ реального мира – общий для всех, но для каждого свой». И автор сам любителю тем, что происходит в его творении с чудесной единицей Вселенной, тем, как божественная интуиция пробивает дорогу сквозь ненужные накопления, отягощения внешнего мира: «Трезво разумен, изящен и гибок, и по родному понятно простой, внутренний мир полон глупых ошибок, несовпадений с реальной средой». И мудрость то - завоевывает позиции, то – отступает под напором обыденности.

В этом изложении нет ни малейшей идеализации, но есть – надежда: всегда соотносить себя с тем новорожденным младенцем, которому еще все на свете предстоит, а позади у

него – на время оставленная радостная Вечность.

Внутренний образ внешнего мира

Через зеницу пытливого oka
телепортирует внутрь извне
узкий пучок светового потока
и на глазном отражается дне.
В лоб через линзу зрачка освещённый,
каждым лучом упиваясь вельми,
зрительный нерв, в первый раз раздражённый,
только лишь свет отделяет от тьмы.

С первого взгляда ещё не понятно
новорождённой ячейке земной,
что означают различные пятна
цветом и формой и величиной.
Сложатся чёрточки в образ единый,
Если, сканируя плоскость картин,
каждой иконке присваивать имя,
и как живым оперировать им.
Следом подключится воображение,
чтоб постепенно, а может быть вдруг,
внешние формы связать с ощущеньем,
тем, что дают осязание и слух.

Необъяснимо, волшебнo, как в сказке,
с каждым открытием новым плотней,
через раскрытые детские глазки
мозг наполняется миром людей.
Внове по-прежнему, хоть по старинке,
в каждую чёрточку, родинку, прыщ...
в глазки живые и глазки в картинке
пальчиком тыча, их помнит малыш.
Словно из кубиков маленьких самых
строится образ, под «баю-баю».
Так узнаёт крошка папу и маму...
лампочку, носик и... соску свою.

Звуки и цвет получив из эфира,
в полной красе предстаёт, как живой,
внутренний образ реального мира –
общий для всех, но для каждого свой.
Физикохимия нервных процессов

не прекращается даже во сне –
вещий итог раздражающих стрессов
светотеней поглощённых извне.
Вы не задумывались? – Почему-то,
при генерации новых идей,
мозга живого белковый компьютер
фору даёт электронике всей!

Через портал визуальных контактов
волей судеб совершив переход,
образ, увиденный где-то когда-то,
жизнью своей в новом мире живёт.
Трезво разумен, изящен и гибок
И по родному понятно простой,
внутренний мир полон глупых ошибок,
несовпадений с реальной средой.
Полнится знаний колодец по капле.
В дебете слабом себя лишь вини.
Если вслепую наступишь на грабли,
внутренний голос воскликнет: «Они!..»

Переменяться напрасно пытаться,
прежнюю жизнь называя игрой,
и, с ликвидацией всех декораций,
внутренний мир загружая другой:
реку речей без конца, без начала,
глупую ложь и красивую лесть,
не пропуская сквозь правды лекало,
а принимая такими, как есть.
Немощи плоти и духа томленья
разум смутят и предложат стократ
каждое мнений несовпадение
истолковать как неправильный взгляд.

Память безжалостно режет на части
переплетенье сюжетов и тем.
Боль и напасти стирают как ластик
то, что не хочется видеть совсем.
Многие к старости подслеповаты:
контуры смутны и краски не те...
Образов, запечатленных когда-то,
хватит для жизни во всей полноте.
Ориентиры меняют обличье,
делаясь, старясь, не так хороши,
и с каждым взглядом всё больше отличий
внешнего мира от мира души,

где ноги в горку упруго, упрямо
сами бегут по траве босиком,
где молодая красивая мама
пахнет лавандой и молоком...

Память подчас начинает лукавить,
тех ретушируя, с кем не знаком.
Можно шутя даже Бога представить
мудрым, слегка озорным стариком.
Сквозь пелену незабвенных событий
светит не этот, а тот уже свет,
и перед Вечностью векам прикрытым
ясно как день видны те, кого нет.
Густо тушуются чёрною краской
мир уплывающих в царство теней...

В люльке малыш трёт наивные глазки –
свет ненаглядный увидеть ясней.

Иной формат сосредоточенности на самом главном обозначен в одном из стихотворений подборки [Людмилы Ключко «Выпусти пустоту»](#) .

Прорисовано пространство творческого настоящего – состояние, в котором *поэт* вдруг *с ебя*

обнаруживает, и это уже навсегда. И - что бы отныне вокруг ни происходило, суть не столько - событие, сколько – поэтический материал. А вот привыкнуть к этой новизне, ощутить ее как нечто непреложное, осознанно противопоставить себя всему, что еще вчера было будто бы своим... хотя... подозрения возникали...привыкнуть – нужно время. В этом-то и есть оттенок печали всякий раз возобновляемого противостояния привычному.

* * *

Новый день придёт или новый год.
В новый дом приду или в мой придут.
И окажется — всё наоборот.
Если я живу, то живу не тут.

Да еще вокруг ни зари, ни тьмы,
Ни луны — в окно, ни звезды — в зенит...
Что же не болят ноги без ходьбы,
Если без стихов голова болит?

Или целый день — крик и толкотня,
Чтобы не судить жизнь со стороны.
Может быть теперь, на исходе дня,
Станет всё равно. Станут все равны.

Стану я собой. Взгляд из-под лба.
В старых сапогах — и на чистый стол.
Говорят, кого выберет судьба,
У того в глазах — холод и простор...

Всё, что я могу сделать наугад,
Это попросить жизни без обид.
Всё же мир во мне — чёрен и богат.
Всё же мир извне — беден и рябит.

Хорошо ещё, что душа слаба,
Чтобы всю себя знать наверняка.
Если я пишу точные слова,
Значит, у меня дёрнулась рука.

И в конце концов, всё, что я смогла —
Это я сама. И само собой,
В кулаке моём — тишина и мгла.
В голове моей — шёпот и прибой.

Никогда еще не встречаемая многоступенчатая метафора Сущего воплощена в стихотворении [Евгения Иванова](#) из подборки [«Поселковое»](#) .

При внимательном чтении возникает невольная отсылка к апокрифическим повествованиям православия, где все понятия – произвольно одушевленные символы, и что угодно сопоставимо с чем угодно, поскольку речь всегда идет о живом, о жизни. Старый забор тут – и Христос с терновым венцом на голове, и – одновременно - олицетворение голубя, благой вести Архангела Гавриила о будущем Христа рождении, и условное нечто, обрамляющее райские кущи, и мятежный протопоп, претендующий на олицетворенное воплощение Истины. Над всем, сквозь все, во всем, как определял Сущее Тертуллиан. Тут все противоречит канону, и ничего – существу. Печаль же оттеняема суровым слогом повествователя, сдержанно, безэмоционально выражающего глубину сочувственного понимания и внимательного соучастия живому и живым.

Старый забор

Увенчан проволочным терном,
Иссохший в зной, нагой в мороз,
Сюда, в обличии заборном,
Немую благодать Он принес:

Хозяин сада и хранитель,
Он для тебя растит дары;
В его заросшую обитель
Проникнешь с помощью дыры -

Туда пускает без оглядки,
Будь агнец ты или злодей.
Его налив и штрифель сладкий
И для скотов, и для людей.

Родной воронам и собакам,
Заляпан слякотной весной,
Он, как смирившийся Аввакум,
За все прощает нас с тобой.

И еще одни тихие, но – пристальные в собственном всматривании в существование, стихи [Татьяны Левашевой](#) из подборки [«Души в творческом полете»](#). Тут как раз эмоционально окрашенный трюизм в названии подборки слегка препятствует восприятию совсем не банальных, несмотря на простодушно знакомое перечисление, понятий. Остановись, мгновение, ты – прекрасно, - читается хорошо известное, но всякий раз заново открываемое, удостоверение смысла бытия.

Октава с тернарной рифмовкой интересна тут кажущейся неточностью рифмы – последняя строка секстины как бы отделена от остальных пяти и властно притягивает внимание, заставляя вчитаться в каждую строфу еще раз. Оттенок печали здесь – в едва слышном прикосновении к сокровенному, почти неразличимой грусти о прошедшем в контексте «и это пройдет...»

Всего один день

Пока мы живы, день
Последним не бывает.
Он просто уплывает
По водам временным,
Как памятные сны
И тень былых надежд.

Не стоит дни считать
На стадии пробега,
Когда надёжен берег,
Где дома милый свет
Сияет много лет,
Когда жива мечта.

И снова день прошёл,
Короткий, зимний, мрачный,
Что ничего не значит -
Таких огромна рать.
И если в жизнь играть,
Всё будет хорошо.

А вот тут – ну всё, просто всё – впереди, в этом-то и затаилась безотчетная тревога. Хрупкость личного существования, слишком зависимого еще, слишком уязвимого, нашла свое отражение в стихотворении [Юлии Малыгиной](#) из [«Белой подборки»](#). Пейзажная пессимистическая зарисовочка – почти психологический автопортрет внутри пейзажа. Февраль – не время года, а – состояние духа в процессе энергичного становления, изнутри бесчисленных сомнений и безусловной надежды на лучшее. «Ну а пока» - смятение, отчаянное неприятие неопределенности, «скользкого воздуха», «серого» ничто, переполняющего и осеняющего трамваи; и февральская веселая вьюга воспринимается как высокомерная и жестокая бестолочь.

Февраль:

Порывисто облизывает щёки,
частит метелью. Кружевами окна -
крест-накрест. И наряд срывает с силой,
разыгрывая драму каждым вздохом.

Начало года - кризис малых жанров -
вот-вот надломит наст непостоянство.
А бесы тащат рёбра по сугробам
и волны оставляют за собою.

Он с превосходством чмокает над ухом,
бессрочно облепляя капюшоны.
Сумятятся вороны и кликуши,
осанне подвывают провода.

Предчувствием наполнен скользкий воздух
и серым упиваются трамваи,
посипливая утренним трамвалто:
"Да-бу-дет-жи-ззззнь". Ну а пока - февраль.

Непроизвольно встает рядышком подборка [Сергея Пивовара](#) с интригующе непонятным – мне, по крайней мере, умеренно равнодушной к американской литературе для детей, - названием

«

[Окклюменция»](#)

. Судя по всему, автор имеет ввиду личное и разумное противостояние пропагандистскому буму, постсоветскому дежавю, обильно приправленному разномастным кликушеством такого низменного слоя, каковой, казалось, нельзя было предполагать в среде «образованщины» - а вот поди ж ты... Герой, alterego автора, пытается собрать воедино метафоры столетия и обозначить предполагаемую перспективу.

Мне показалось чрезвычайно интересной до предела сжатая метафора – «самый читающий в мире остров», - Второй Мировой, и не только. Тут и отсылка к эпиграфу из проповеди Джона Донна, и собственно, хемингуэевское название «Прощай, оружие», и «второй фронт», и шестидесятые-восьмидесятые, насквозь пропитанные грезами об американской свободе, страстное им подражание как гипотетическое противостояние строю...Наконец, одержимое прочтение, вербальное и кинематографическое, «Гарри Поттера» ...

Этот стихотворный текст завершается неявной отсылкой к первой строке. Кольцо, заколдованный круг, Первая, Вторая, будет ли Третья... Сладострастные грезы сумасшедших обитателей Третьего Рима, которые, к счастью, выпали из процесса принятия решений – к счастью для них самих, в первую очередь.

окклюменция

германская марши лозунги
голод отчаянье продрозвёрстка
рыбий жир по утрам в манную кашу
самый читающий в мире остров

раздача слов территорий
снос стен лишение привилегий

дымящийся консисторий
ряженный на потеху

вздувшийся зоб амбиции
хлынувшая кутерьма
имплементация окклюменция
а будет ли мировая

А вот еще один невероятно сложный, несмотря на кажущуюся простоту, стих из подборки [Алены Тайх. «Ничто не повод...»](#) . Глубокая и многослойная лирика, удивительно проникновенная. На первый взгляд, забавное перечисление событий, по – сути – одна тончайшая метафора. Не стану ее разбирать, не буду любоваться каждой строкою в отдельности публично. Стих не позволяет. Пусть каждый его откроет для себя сам.

* * *

В дом, где коротко счастье с тобой
Познакомилось и делось... куда,
Приходили как-то гости гурьбой.
И на кисточки постригли кота.

Думал котик, я теперь колонок.
И шипел, как на плите кипятков.
И пожертвовал с манишки, что смог,
Петриковский чтобы цвел лепесток.

Пошуметь всего то было забот,
И от шума ли того жизнь назад
Удирал забытый стриженный кот
В еле-еле заснеженный сад.

Тихо вьюжило, как песня на сон.
И темнело, но не так чтоб ни зги...
Костерком ли первоцветом на всё
Петриковские ложились мазки.

Еще одна не замеченная замечательная подборка: [Валерия Хаддадин. «Без названия»](#). Стихотворение «Причитание». А здесь уже онтологическая многоаспектность, интимная лирика с философским наполнением. Русская – название указывает. Прекрасный симбиоз родного языческого и общемирового, впитанного, воспитанного – «воспитание» суть вос-питание.

У Николая Гумилева один из мной любимых «Я знаю, что – деревьям, а – не нам Дано величье совершенной жизни...» А еще, из раннего – «В том лесу зеленоватые стволы выступали неожиданно из мглы... Может быть, тот лес – душа твоя, Может быть, тот лес - любовь моя»... Сама написала несколько текстов, где лес – главное действующее лицо. И здесь лес – сама жизнь, собственный путь внутри нее с вечной мечтой о просторе поля и неба, о безграничной простоте любви. Как просто сказано о любви у апостола в его послании! «...любовь никогда не перестает...» И каждый устремлен именно к этому состоянию, даже не предполагая, что такое сбудется.

Причитание

Заплутаешь так, будто сам себе как Сусанин,
Тут деревья выше, голосов уж давно не слышно,
Выпростать бы крылья, да стволы стоят тесно,
А корабль построить - так беда в лесу с парусами.

Тяжелеет шаг - значит много знаешь. И куда торопиться?
Опозданий нет наверх, там равны всем почести.
Говорят, на небе все счастливые очень,

И в руках в журавлей превращаются птахи-синицы.

Голубок-то впорхнет - люди слюбятся, после - плачутся,
Побегут деточки по полям в рубашонках холщовых.
Ой, не ходите в лес, да не спешите стать взрослыми,
Ничего нет радостнее детства здесь, ну а там-то жизнь
что-то значит ли?

Завершаю со-размышление, прикасаясь душой к последнему оттенку печали.
Метафизическая неопределенность, заданная мною в названии эссе, вполне соответствует утонченности умонастроения представленных тут авторов. Печаль едва уловима, вербально неосязаема, но ткань повествования как бы воссоздает этот еле заметный оттиск на мироощущении. Итак, [Felixis. "Неисправленному верить"](#) . Снова – дорога, но на этот раз – заданность, кем-то давно проложенные рельсы, судьба, с которой герой старается вступить в диалог, отбрасывая в сторону легкое романтическое начало, столько же раз воспетое, сколько и – несостоятельное, что обнаруживается при первом же повороте чужой, в сущности, дороги. Снова – глубокое размышление о Сущем, обаятельный экзистенциализм с неожиданно жестким заключением: «...невесомость, что совесть коплю, словно кровью потею...» Цена вопроса.

В тайном мире

Полосатой железной змеей ползёт по траве полотно.
Отвернулась трава от него,
и ромашки бегут в рассыпную...
Мне по вкусу четвёртый вагон, по деньгам мне четвёртый вагон,
И, конечно же, вешний пейзаж - вдоль столбов одесную...

Мне на скорости важно молчать. Так, наверно, комфортнее жить...

Чтоб мгновенного не пропустить из судьбы - и микрона...
Так, пожалуй, движение мяча нам рисует какую-то нить:
Нам - на опыт, на умственный труд, и себе без урона.

В тонком мире вагонных путей, в паутине дорожных тревог -
Хорошо бесконечной душе и - по-разному - телу.
Я полсрока пытаю себя этим чудом проклятым!
И вот -

Невесомость, что совесть коплю, словно кровью потею...

Люблю стихотворения, в которых чувство скромно прячется за мысль, за элегантную просодию, за эстетический аргумент неброской, но яркой метафоры. Люблю глубину очевидно безграничного пространства, разнонаправленный вертикальный луч ясно высказанного стремления. Люблю.